

Гурьянов Алексей Сергеевич

ТВОРЧЕСТВО КАК ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ НЕПОВСЕДНЕВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦЕЛОСТИ БЫТИЯ-В-МИРЕ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ М. ХАЙДЕГГЕРА

Статья посвящена переосмыслению категории "повседневность" в философии Хайдеггера, феноменологически определившего ее как способ бытия человека, которого он, по его выражению, "как правило" держится в своем мире. Показано, что в стороне оставлен способ быть в мире (называемый нами неповседневным присутствием), отличающий бытие человека как "исключение из правила", для которого характерно творческое преобразование и преобразование мира, "раздвигающее" границы повседневности. Автором предложена диалектическая методология для раскрытия феномена неповседневного бытия человека, основная черта которого - деятельное участие в судьбе своего мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 72-76. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Исаев Т. Б. Д. И. Писарев против террора // История государства и права. 2008. № 23. С. 28-31.
2. Писарев Д. И. Бедная русская мысль // Хрестоматия по истории философии: русская философия: в 3-х ч. М.: ВЛАДОС, 1997. Ч. 3. С. 176-179.
3. Писарев Д. И. Мыслящий пролетариат // Избранные философские и общественно-политические статьи. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. 719 с.
4. Писарев Д. И. Очерки из истории труда // Избранные философские и общественно-политические статьи. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 153-285.
5. Писарев Д. И. Схоластика XIX века // Антология мировой философии: в 4-х т. М.: Мысль, 1972. Т. 4. С. 284-310.
6. Писарев Д. И. Схоластика XIX века // Избранные философские и общественно-политические статьи. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 68-90.
7. Симфония разума: афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов / композиция Вл. Воронцова. М.: Молодая гвардия, 1976. 624 с.
8. Сухов А. Д. Философский материализм Д. И. Писарева // Философия и общество. 2005. № 1. С. 134-144.

PROBLEM OF HUMANISM IN D. I. PISAREV'S SOCIAL PHILOSOPHY**Tatevik Vartanovna Grigoryan***Department of Philosophy**Trans-Baikal State University**tatevick.1@yandex.ru*

The author considers the social-philosophical understanding of humanism in the creative works of the famous Russian thinker of the XIXth century D. I. Pisarev, shows that the idea of humanism, according to the thinker, is closely connected with dynamic labour activity, the high level of citizens' education and the necessity to achieve progressive scientific results, and basing on the analysis of the philosopher's massive legacy mentions the paradoxicality of his judgments that the integral trait of a humane person's character is selfish needs and desire of self-perfection.

Key words and phrases: humanism; D. I. Pisarev; person; society; selfishness; labour; science.

УДК 111.1

Философские науки

Статья посвящена переосмыслению категории «повседневность» в философии Хайдеггера, феноменологически определившего ее как способ бытия человека, которого он, по его выражению, «как правило» держится в своем мире. Показано, что в стороне оставлен способ быть в мире (называемый нами неповседневным присутствием), отличающий бытие человека как «исключение из правила», для которого характерно творческое преобразование мира, «раздвигающее» границы повседневности. Автором предложена диалектическая методология для раскрытия феномена неповседневного бытия человека, основная черта которого – деятельное участие в судьбе своего мира.

Ключевые слова и фразы: неповседневный; присутствие; творчество; средство; конкретное понятие; новизна.

Алексей Сергеевич Гурьянов, к. филос. н., доцент*Кафедра философии**Казанский государственный энергетический университет**alexeigurianov@rambler.ru***ТВОРЧЕСТВО КАК ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ НЕПОВСЕДНЕВНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ ЦЕЛОСТИ БЫТИЯ-В-МИРЕ
В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ М. ХАЙДЕГГЕРА©**

Экзистенциальная аналитика Хайдеггера, основоположения которой сформулированы в его работе «Бытие и время», высветила повседневный модус бытия-в-мире в качестве состояния, которого присутствие держится, пользуясь выражением самого Хайдеггера, *как правило и большей частью*.

Оппозиция повседневного и неповседневного бытия человека находится в центре многих современных исследований, ряд которых, с нашей точки зрения, находится в стороне от экзистенциальной интерпретации этих феноменов и потому «просматривает» фундаментальное измерение антитезы «повседневное – неповседневное». Так, А Шюц, изучающий повседневность в социальном контексте, рассматривает ее как бодрствующее внимание, дневное сознание [7, с. 129] и в качестве оппозиции видит смутное внутреннее состояние сна. Б. В. Марков расценивает повседневность и неповседневность несколько иначе – скорее, в бытовом

смысле: повседневность – как будничность, а неповседневность – как праздничность и сакральность [4, с. 291]. В то же время некоторые исследователи, подобно Г. С. Кнабе, склонны идеализировать повседневность, заключающуюся в «продолжении рода, обеспечении его выживания трудом и борьбой с природой, с врагами, в создании, сохранении и совершенствовании защитной материально-пространственной среды» [2, с. 50]. Как бы то ни было, все эти исследователи, с нашей точки зрения, характеризует лишь эмпирический или, говоря языком Хайдеггера, онтический уровень исследования этих феноменов. Не случайно сам Хайдеггер, интерпретируя повседневность как способ бытия человека в мире, характеризующийся озабоченностью внутримирным сущим, принципиально дистанцируется от каких-либо аксиологических суждений относительно этого феномена.

Анализ повседневности Хайдеггером, как известно, выдвинул на передний план феномен заботы – в повседневных заботах, собственно, и проходит жизнь человека, и предметом заботы является внутримирное сущее. А осуществляется повседневная забота через обращение с сущим как встречаемым, т.е. готовым к употреблению, внутримирным подручным средством, служащим для определенных целей, как скамья – для сидения. Очевидно, что на периферии исследования оказались, во-первых, загадочное неповседневное бытие человека в своем мире, присущее человеку, что имплицитно следует из слов самого Хайдеггера, лишь в исключительные моменты его бытия-в-мире, и, во-вторых, происхождение внутримирного подручного средства. Соответственно, своей задачей мы видим раскрытие неповседневного бытия-в-мире человека через авторское генерирование средства как одного из редких, но значимых для мира человека проявлений его творческого начала.

Согласно Хайдеггеру, средство есть один из основных элементов, образующих бытие-в-мире человека в аспекте его мирности. Однако обращение с подручным как всегда уже наличным средством в повседневном обращении с ним, а именно в этой фазе встречаемости наличное подручное средство и рассматривается Хайдеггером, по нашему мнению, не может служить ориентиром для вскрытия *по-себе* средства как его функции, на усмотрение которой направлено обращение с подручным. Обращение с молотком (собственный пример Хайдеггера) действительно предварительно в качестве условия имеет выяснение предназначения молотка, его *для-чего*, ибо орудовать им с максимальной пользой можно лишь при забивании: все в нем, от формы до материалов, предназначено для этого. Но можно ли при этом утверждать, что усмотрение предназначения молотка тождественно пониманию, подлинному выявлению того, что он есть сам по себе, на чем настаивает автор экзистенциальной аналитики? С нашей точки зрения, в данном вопросе необходимо отметить ряд аспектов обращения с подручным, не принятых автором труда «Бытие и время» к рассмотрению, главным из которых является *авторское* производство подручного средства.

Нельзя сказать, что изготовление как аспект обращения не рассматривается Хайдеггером, однако он расценивает изготовление как всегда уже вторичное, ремесленническое изготовление по всегда уже имеющемуся образцу. Не случайно изготовление он рассматривает в одном ряду со столь же вторичным актом починки изделия.

Хайдеггер утверждает, что именно повседневное обращение усматривает *по-себе* средства. Его внимание в интерпретации подручности сфокусировано на усмотрении *для-чего* средства: в выявлении функциональности он видит сущность вещи как всегда уже подручной. Но усмотрение функции, если делать акцент на «гениальности» размыкания, выводит на передний план исследования два типа усмотрения, рассмотренных Хайдеггером, и различие в отношении к средству со стороны его автора и того, кто им только пользуется, об этом свидетельствует. Если взять в рассмотрение более сложное средство, чем молоток, то это различие сразу становится очевидным. Такое средство, как телевизор, легко в использовании, а усмотрение его специфического *для-чего* говорит нам о том, что оно предназначено для трансляции изображения и звука. Но разве усмотрение «удобства» телевизора достаточно для понимания того, что такое телевизор? Несомненно, что таким пониманием в смысле гегелевского *понятия* вещи обладает лишь изготовивший это средство, но никак не тот, кто им лишь пользуется. К слову, Локк в работе «Опыт о человеческом разумении» высказывает аналогичную мысль: «...искусственная вещь есть произведение человека, который ее задумал и поэтому хорошо знает ее идею...» [3, с. 522-523]. Пользователь имеет скорее *общее представление* об этом средстве, а общее представление не может разомкнуть сущность этого агрегата уже не в качестве средства, а в качестве вещи – *лишь изготовитель относится к нему не как к средству, а как к цели своей деятельности*. Следовательно, ограничивать аналитику присутствия повседневностью пользования вещами как подручными средствами значит искусственно сужать возможности присутствия в его способах бытия в мире, ибо творческое изготовление относится к вещам не с точки зрения их удобства, а с точки зрения самой вещи через спекулятивное понятие о ней. Хайдеггер и сам отмечает в связи с повседневным использованием, что «обращение... не осмысливает это сущее тематически как случившуюся вещь, и никакое употребление не знает, скажем, о структуре средства как таковой» [6, с. 69]. Эти слова как раз и применимы в отношении средства, уже готового к употреблению, обращение с которым не предполагает знания его устройства.

Хайдеггер отмечает, что «ближайший вид обращения есть... не только лишь внимающее познание, но орудующее, потребляющее озабочение, у которого есть свое собственное “познание”» [Там же, с. 67]. Но разве можно говорить о познании, если оно обходится стороной устройства средства? Познание в данном случае носит весьма условный характер, так как оно ограничено выявлением того, что есть *посредство средства*, в котором и заключено бытие наличного сущего. Обращение подлаживается под средство с его *для-чего*. Если использование средства размыкает его *для-чего*, замыкая при этом ряд других отсыланий, то ремесленническое,

вторичное изготовление помимо *для-чего* средства размыкает структуру средства, его *как*, а также *из-чего* средства. Хайдеггер, рассуждая об изделии, отмечает лишь такие отсылания, как *для-чего*, *из-чего*, *ради-кого*, из которых ни одно не отсылает к структуре подручного, его устройству. Между тем ремесленническое изготовление уже осведомлено относительно *из-чего* и *как* в качестве существенных отсыланий изделия. Но и этого не вполне достаточно для выявления сущности вещи, так как ремесленническое изготовление подчас нерефлексивно в своем изготовлении, действуя по заранее определенным правилам изготовления и подбора материалов: ремесленник лишь обучен делать то, что должно, при производстве вещи. Напротив, творческое, аутентичное изготовление, помимо *для-чего*, *как* и *из-чего*, размыкает *почему* устройства средства. Соответственно, мы не считаем возможным согласиться с А. Шюцем, отмечавшим в качестве одного из конститутивных элементов повседневности активную трудовую деятельность, ориентированную на преобразование внешнего мира. Дело обстоит обратным образом: действуя по привычке, повседневное присутствие в лучшем случае лишь воспроизводит определенный алгоритм действий, воспринятых со стороны, чего совершенно не достаточно для активного преобразования мира.

Понятие вещи может быть приобретено в результате познания устройства средства и причин, по которым вещь устроена так, а не иначе, что уже не имеет прямого отношения к вещи как средству. Если ремесленное срабатывание средства не задается вопросом о том, почему вещь устроена именно таким образом, то ее авторское изготовление самим наличием этого средства дает ответ на этот вопрос: в противном случае она просто не появилась бы на свет.

Теперь мы можем иначе взглянуть на так называемую *гenuинность* размыкания бытия подручного сущего. На наш взгляд, гениность, уже этимологически определяемая через природу, происхождение, не может быть отличительным или хотя бы собственным признаком обращения со средством как уже наличным в мире, так как природа, происхождение средства при обращении с ним остается в тени, за горизонтом обращения. Хайдеггер же об изготовленной вещи говорит как о внутримирно встречном, т.е. уже наличном, как если бы внутримирные средства существовали от века. Стало быть, мы можем сделать предварительный вывод о том, что *по-себе* средства заключено не в размыкании его как *готового*, т.е. встречного, годного к употреблению, а в размыкании его как *возникающего*, появляющегося средства, создаваемого мастером для употребления. В этом процессе средство формируется в качестве такового и вместе с тем формирует свое специфическое «удобство», в то время как усмотрение его «удобства» со стороны пользователя позволяет сформировать лишь общее представление о сущем именно как о *средстве*. Между тем его понятие, а только в «вещности» может быть ее *по-себе*, формируется тем, кто произвел это средство на свет. Таким образом, мы считаем необходимым оспорить тезис Хайдеггера, согласно которому «подручность есть онтологически-категориальное определение сущего как оно есть по-себе» [Там же, с. 71].

Здесь важно отметить еще один аспект творческого бытия-в-мире: человек, изготовивший такое средство, как молоток, вместе с изготовлением *размыкает и природное сущее*, окружающее его, при поиске наиболее подходящих элементов для изготовления – свойства металлов, древесины и т.д. А тот, кто лишь использует молоток для забивания, ничего об этом не знает и не обязан знать, ведь для забивания таких знаний не требуется. Сквозь изготавливаемые средства в руках их автора выявляется не только *по-себе* природных средств уже не как средств, а как природного сущего, но и *по-себе* самого изготавливаемого. Хайдеггер справедливо отмечает, что ветер изначально есть ветер в парусах, а построение парусного судна соотносится с особенностями стихий, природными закономерностями, каковы они безотносительно человека, а также пониманием того, что такое само парусное судно, каковы его «как» и «почему». Вскрытие причин, по которым происходит выбор в пользу того или иного *из-чего* и *как*, позволяет разомкнуть не только средство в его структуре, но и природное сущее, которое всегда уже высвечивается в любом подручном. Человек, лишь ремесленнически изготавливающий средство, может иметь слабое представление, к примеру, о свойствах исходных материалов, из которых изготавливается подручное, или о нюансах аэродинамики при изготовлении летательных аппаратов. Для того, чтобы все сделать надлежащим образом, т.е. так, как *положено*, это не является необходимым условием.

Таким образом, гениность размыкания лежит в *происхождении* средства, не случайно конкретное понятие вещи в диалектической традиции можно обрести через выявление истории ее происхождения и становления: «чтобы познать сущность вещи, необходимо раскрыть ее историю» [5, с. 159]. Соответственно, мы не можем принять интерпретацию основоустройства присутствия в озвученной в «Бытии и времени» редакции: «бытие-в-мире по предыдущей интерпретации значит: нетематическое усматривающее погружение в конститутивные для подручности всего целого средств отсылания» [6, с. 76]. По нашему мнению, нетематическое усматривающее погружение в целое средств есть скорее первоначальный этап освоения присутствия в мире как всегда уже встречающем мире, в котором присутствие обнаруживает себя как вброшенное. Второй этап заключается в тематическом преобразовании этого мира со стороны неповседневного творческого человека, размыкающего в своем преобразовании то, что было замкнуто при повседневном использовании подручного.

Теперь мы можем сказать, что повседневное отношение к мироокружному как к средству не только не является единственным способом быть присутствия в мире, но не является главным способом быть человека в своем мире, если рассматривать мир на предмет гениности его размыкания. В связи с этим можно задать вопрос: почему забивание, столь необходимое человеку в обращении с мироокружным, не нашло себе должного средства в виде молотка несколько тысячелетий назад, когда люди для забивания пользовались

иными подручными им средствами в виде, скажем, камня, или почему для передачи информации на расстояние люди 500 лет назад не пользовались телефоном, ведь это наиболее удобный способ трансляции информации? Извлечение энергии из Солнца вряд ли входило в планы человека 1000 лет назад, а сегодня это реальная задача, что свидетельствует о том, что спектр имеющихся средств способен генерировать новые *для-чего*, если смотреть на вещи не в абстрактном, а *конкретном историческом* измерении. Ведь то или иное *для-чего* может возникать на основе общего состояния дел, уровня развития общества или отдельных отраслей науки. Чем более разнообразен и значителен спектр изготовленных средств, тем более серьезно размыкание как природного сущего, так и самих средств, понимание которых выходит далеко за рамки их повседневного *для-чего*. Новые средства в своем понятии соразмыкают и природное сущее, и другие средства, на основе которых они созданы в исторической ретроспективе. Собственно, возникновение нового средства и происходит при оперировании наличными подручными средствами, будь то скамья или космический спутник. А наличное подручное, будучи произведенным кем-то, имея своего автора, вместе с тем несет на себе печать людей, которые приложили руку к их производству. Телефон со своим специфическим *для-чего* пришел на смену более простым формам передачи информации на расстояние. В более широкой перспективе и на более длинном историческом отрезке эти люди составляют целые поколения, оставившие свое авторское факсимиле на подручном в процессе его совершенствования или генерирования.

Хайдеггер настаивает на том, что «указывание» знаком, «забывание» молотком, однако, не свойство сущего [Там же, с. 83]. Но в решении этого вопроса необходимо проводить различие между природным и неприродным сущим. Конечно, извлечение энергии из Солнца не является свойством Солнца, его *для-чего*. Однако то же самое нельзя сказать и о сущем искусственного происхождения в виде, к примеру, агрегата для извлечения энергии. Разве извлечение энергии не является в некотором роде свойством агрегата, в то время как все в нем предназначено для извлечения энергии, как все в молотке предназначено для забивания? Указание, идущее от молотка, т.е. его *для-чего*, составляет существо этого предмета. Поскольку в молотке все приспособлено для забивания, он нацелен на соответствие своему понятию, а *его существование стремится к соответствию с его сущностью в качестве его для-чего*. Подручное есть овеществленная мысль, что и делает возможным наличие специфического удобства подручного. В отношении изготовленного средства нет разрыва между сущностью вещи и ее существованием для того, кто подручное изготовил, поскольку все в вещи подчинено ее «удобству». Разрыв, стало быть, лишь в восприятии человека, приступающего к обращению с незнакомым ему средством, озадаченного его специфическим *для-чего*. Повседневное присутствие нуждается в помощи со стороны в деле усмотрения специфического «удобства» подручного, так как находится в неведении относительно «как» и «почему» средства. Повседневное присутствие, будучи должным образом инструктировано, видит в своем усмотрении лишь вершину айсберга, вербально выраженную в обороте «для забивания» или «для извлечения энергии» и оторванную от основы, на которой надводная его часть держится.

Уже ремесленническое изготовление видит весь айсберг через «как» средства, но не видит связи айсберга с природным сущим и другими средствами, на основе которых оно произведено, сораскрывающимися при ответе на вопрос «почему?». Принципиальное различие между двумя видами изготовления в том, что *известное* средство срабатывается при помощи *известных* средств, как скамья срабатывается при помощи молотка и других инструментов, при этом и у средств изготовления, и у изготавливаемого средства уже имеются зафиксированные, устойчивые связи с другими вещами, называемые отсыланиями, ничего не добавляющие в «мирную» составляющую бытия-в-мире, между тем *новое* средство в зависимости от меры своего потребления меняет мир, в котором живет человек. Этим создается новый спектр средств с новыми связями, которые в свою очередь являются средствами не только при употреблении со стороны повседневного присутствия, но и средствами для создания новых средств. *Для-чего* Солнца может возникнуть лишь на определенном этапе научно-технического прогресса, и мы вполне можем утверждать, что положение дел, в данном случае в сфере науки, может и должно выдвигать новые *для-чего* в отношении вещей, своего специфического *для-чего* не имеющих. Точно так же в сфере лишь изготавливаемых средств такое средство, как телевизор, со своим специфическим «для теле-аудиотрансляции» могло возникнуть лишь на определенном этапе развития.

Хайдеггер отмечает, что «какое дело имеют с подручным, это всякий раз намечено из целости имени-дела» [Там же, с. 84]. Этот в целом верный принцип в нашей редакции значим только в отношении средства как уже наличного подручного, занявшего свое место среди других средств с закрепленными за ним отсыланиями. Но в отношении появляющегося, нового подручного это правило не применимо. Новое средство, вернее его *для-чего*, *перезагружает* целое имени-дела. Встраиваясь в реальность, оно перетряхивает взаимосвязь отсыланий, трансформирует целое в новое целое, и процесс этот тем более значителен, чем более значимо новое средство. Б. Вальденфельс в работе «Повседневность как плавильный тигль рациональности» справедливо отмечает, что «важным признаком неповседневного является необычность, которая встречается в момент возникновения или при опасности разрушения существующего порядка» [1, с. 42]. Так, космические исследования позволили, к примеру, внедрить в обращение спутниковое телевидение, постепенно заменяющее собой прочие виды трансляции видеосигнала, тем самым создавая новое «положение» дела. Целость имени-дела – не какая-то константная величина со всегда уже сложившимися средствами и их зафиксированными функциями, но непрестанно обновляющееся *состояние* дела.

Новизна – ключевое понятие, оставленное Хайдеггером без внимания. Присутствие, будучи вброшенным в мир и обреченным на имение дела с подручным, застает в нем некое *нынешнее состояние мира*, и адекватное обращение с отдельным средством возможно при условии ориентирования в состоянии связей, идущих от него и к нему. Впрочем, тому обстоятельству, что Хайдеггер не берет в расчет динамическую, подвижную сторону отсыланий, идущих от средств, есть объяснение, коренящееся в основоустройстве повседневности: повседневное присутствие озабочено лишь потреблением средств, а потребление предполагает средства уже наличными. Для повседневности средство, будучи наличным средством, есть средство вообще, безотносительно его возникновения и изменений, им претерпеваемых, т.е. *абстрактное* подручное, вырванное из контекста. Но такое отношение к подручному со стороны повседневности не отменяет то обстоятельство, что целое средств всегда уже есть *целое средств в определенном состоянии, формирующее мирность мира*.

Хайдеггер настаивает на том, что целость имения-дела есть условие раскрытия подручности, формирующей мирность присутствия, а предразомкнутость как такое условие есть та самая бытийная понятливость или способность к пониманию, принадлежащая присутствию. Целость имения-дела, стало быть, является едва ли не центральным феноменом основоустройства бытия-в-мире, без должной интерпретации которого вряд ли можно продвинуться в понимании присутствия. Мы считаем, что целость имения-дела коренится не в априорных структурах, образующих так называемое предпонимание, так как целость динамична и находится всегда в определенном состоянии, вследствие чего *приобретается в практическом имении дела*, конкретном размыкании имеющихся средств и природного сущего при размыкающем генерировании новой вещи. Подлинно размыкающим целое средств является занятый делом «конкретный» человек, совмещающий в своей деятельности сразу ряд аспектов, образующих целостность. Во-первых, он генерирует новое средство, что позволяет его автору быть осведомленным не только о его *ради-чего*, но и знать его «как» и «почему», т.е. иметь *конкретное* понятие о вещи, в отличие от тех, кто ею лишь пользуется. Во-вторых, имея дело с другим подручным при изготовлении вещи, а также вещами, совершенствованием которых человек озабочен, он вступает в *событие* с другими людьми, тем самым оказываясь встроенным в историческую реальность при формировании соответствия наличного существования подручного его сущности. В процессе все большего приближения к сущности камень как средство для забивания в свое время уступил место ручному молотку, а последний – отбойному и т.д. В-третьих, в этом процессе гениально выступает природное сущее, сораскрывающееся в своем по-себе при авторском изготовлении подручного средства. Соответственно, все это вместе взятое позволяет, как в точке бифуркации, разомкнуть на мгновение мир, в котором активно бытийствует, а не присутствует человек.

Таким образом, о подлинности размыкания мира можно говорить лишь со стороны *творчески* относящегося к своему миру человека, способного усмотреть всегда уже определенное состояние мира, к которому он становится деятельно причастен.

Список литературы

1. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-логос. М.: Прогресс, 1991. С. 39-50.
2. Кнабе Г. С. Диалектика повседневности // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима: учеб. пособие. М.: Индрик, 1993. 528 с.
3. Локк Д. Собр. соч.: в 3-х т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
4. Марков Б. В. Храм и рынок: человек в пространстве культуры. СПб.: Алетейя, 1999. 304 с.
5. Материалистическая диалектика: в 6-ти т. / под ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова. М.: Мысль, 1982. Т. 2. 287 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
7. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. М., 1988. № 2. С. 129-137.

CREATIVITY AS DIALECTICAL NON-DAILY DIMENSION OF BEING-IN-WORLD INTEGRITY IN THE CONTEXT OF M. HEIDEGGER'S EXISTENTIAL ANALYSIS

Aleksei Sergeevich Gur'yanov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Kazan' State Energy University
alexeigurianov@rambler.ru

The author presents the rethinking of the category “daily routine” in Heidegger’s philosophy, who phenomenologically defined it as the way of man being, which he “as a rule” follows in his world, shows that the way of being in the world is left aside (we call it non-daily presence), which distinguishes man being as “an exception from the rule” that is characterized by the creative transformation and conversion of the world, “expanding” the boundaries of daily routine; and suggests dialectical methodology for revealing the phenomenon of non-daily man existence, which main feature is an active part in the fate of his own world.

Key words and phrases: non-daily; presence; creativity; means; specific notion; novelty.